

Ничего особенного в нём не было.

А реакция... Да просто глаза и эта алая родинка в уголке чересчур сильно напоминали человека из прошлого. Одно лицо, считай. Вот и сбился с толку на мгновение.

Но теперь-то, четко осознавая, что перед ним парень — да ещё и тот самый, что грозился кого-то там «согнуть», — Чжоу Цыбай больше не оплошает.

В этом он был абсолютно уверен.

И тут дверь распахнулась.

За ней стоял Гу Цзицин, лишь набросивший на плечи лёгкую куртку. Взгляд с лёгким прищуром, алая капелька у глаза манит взор.

Чжоу Цыбай замер.

Пальцы дрогнули — и он случайно сбросил вызов.

Благо телефон тут же зазвонил вновь, возвращая Чжоу Цыбая к реальности.

— Четвёртый, ты чего?! Я тебе тут про Гу Цзицина задвигаю, а ты трубу бросаешь! — завопил Лу Пин, чьи громкие вопли, как обычно, могли пробить стену.

Обретя прежнее самообладание, Чжоу Цыбай быстро вернул на лицо холодную маску. Смерив стоящего перед ним парня вдумчивым взглядом, он сдержанно произнёс:

— Ничего. Просто в комнате кое-кто есть.

— Кое-кто?

Лу Пин опешил.

В их комнате жили четверо. Старший уехал учиться за границу, он сам с Чэнь Цзи мотался по поездкам, и в общежитии из-за баскетбольных тренировок остался лишь Чжоу Цыбай. Откуда взяться «кому-то ещё»?

Хотя... постой-ка.

— Вспомнил! — хлопнул себя по лбу Лу Пин. — Чёрт, чуть из головы не вылетело! На днях комендантша обмолвилась, что к нам поделят кого-то с матфака. Но мы с Чэнь Цзи тогда в рейд шли, пропустили мимо ушей, а потом закрутились с поездкой и забыли тебе сказать!

Лицо Чжоу Цыбая мгновенно омрачилось.

Лу Пин, ничего не замечая, воодушевлённо засыпал его вопросами:

— Ну что? Увидал новобранца? Уж въехал? Что за тип? Высокий? Красавчик? В игры рубится? Как звать-величать?

С тех пор как их соседа отправили за рубеж, комната 314 в корпусе 1 общежития Багряник вечно страдала от нехватки четвёртого игрока в катки. Так что восторженный опрос Лу Пина был слышен, наверное, на три метра вокруг.

Чжоу Цыбай лишь мрачно молчал.

Зато Гу Цзидин, всё это время спокойно слушавший их перепалку, неторопливо роздал ответы:

— В игры рублюсь. Гу Цзидин.

—?

Даже сквозь километры радиоволн Гу Цзидин буквально ощутил, как собеседник застыл в ступоре.

Нависла короткая пауза.

— Четвёртый... — ошеломлённо пробормотал Лу Пин. — Кто это сейчас сказал? Что он сказал? Имя... это то самое имя? У меня глюки или я чего-то не догоняю?

Чжоу Цыбай чеканно отрезал:

— Всё ты правильно понял. Без иносказаний.

—...

Тягучая, гробовая тишина.

— Ой, слушь, я у моря, тут связь ни к чёрту, ничего не слышно! Всё, отбой, пока-пока!

Раздался решительный щелчок, а за ним — длинные гудки.

Чжоу Цыбай молча уставился в экран.

Он подумал, что Лу Пина можно с чистой совестью притопить прямо в этом море.

Глядя, как всё сильнее мрачнеет парень напротив, Гу Цзицин наконец сообразил, что тот незнакомец с автобусной остановки и есть Чжоу Цыбай. Теперь понятна его странная реакция.

Ярый гомофоб и естественный гей под одной крышей — расклад действительно так себе.

Впрочем, деваться уже некуда.

Самому Гу Цзицину было по большому счёту всё равно, но, дабы избежать лишней напряжённости с новым соседом, он поднял взгляд и мягко пояснил:

— То, что я сказал на остановке, было связано с особыми обстоятельствами. Извини, если смутил или заставил чувствовать себя неловко. У меня и в мыслях не было ничего подобного, так что не бери в голову.

Произнесено это было вежливо и сдержанно.

Однако выражение лица Чжоу Цыбая ничуть не прояснилось.

Правила проживания в Университете Цинда отличались железной строгостью. Переезды и отказы от мест регламентировались до мелочей: если документы оформлены, отменить всё по собственному хотению уже невозможно. Так что крути не крути, а смириться придётся.

И вот ему предстоит жить в одной комнате с геем. С геем, который во всеуслышание заявлял, что «согнёт» его. С геем, который грозился его «согнуть», а сам при этом вылитая его муза из прошлого... И этот кошмар отныне станет его ежедневной реальностью.

Аристократическое воспитание и привитые с детства манеры не позволяли закатить истерику или выбросить чужие вещи в окно. Поэтому Чжоу Цыбаю оставалось лишь подавлять закипающее раздражение и с ледяным видом свысока разглядывать Гу Цзицина.

Тот в ответ лишь чуть приподнял подбородок, беззаботно встречая его взгляд.

Прямое, нескрываемое противостояние, похожее на негласный вызов.

Гу Цзицин даже приготовился к тому, что Чжоу Цыбай сейчас просто поднимет его пожитки и

вышвырнет их с балкона.

Но Чжоу Цыбай лишь шире распахнул дверь, без лишних слов прошёл мимо, остановился у свободной койки, подхватил тяжеленные коробки, наведение порядка с которыми доставляло Гу Цзицину столько головной боли, и вынес их на балкон.

Гу Цзицин обернулся, слегка приподняв бровь.

Такого поворота он точно не ожидал.

У Чжоу Цыбая были резкие, породистые черты лица — из тех, что создают ауру неприступной отстранённости. Но то, как он хмурился, с какими резкими движениями таскал вещи и как отворачивался, выдавало в нём ребёнка, надувшего губы.

И даже дуюсь, повинуюсь хорошему тону и природной порядочности, он всё равно брался помогать, выполняя то, что считал правильным. Вылитый балованный, но воспитанный мальчик из благородного семейства.

Очень послушный.

Гу Цзицин чуть улыбнулся, подумав, что совсем недавно мысленно крестил этого парня «доминантным топом», а теперь находит его милым.

Приготовившись прикрыть дверь, он заметил на её обратной стороне листок.

Это была **[Памятка главных событий общежития]**.

Третья строчка гласила: * «31 декабря 2021 года — 19-летие Чжоу Сяобая»*.

— А, так ты младше...

То-то же он такой сговорчивый.

Гу Цзицин понимающе кивнул.

Фраза прозвучала бы обыденно, если бы не его мягкий, чуть певучий южный выговор. Слово «младший» проскользнуло сквозь зубы тихо и как-то совсем интимно.

У Чжоу Цыбая, тащившего очередную коробку, едва не выскользнула из рук ноша. Он тут же взял себя в руки и с самым суровым видом буркнул:

— Разница невелика. Не надо меня так называть.

Подростки вечно не любят, когда подчёркивают их возраст. Дело житейское.

— Ладно, — сговорчиво согласился Гу Цзицин. — Как скажешь, брат Цы.

И снова что-то со стуком сдвинулось у Чжоу Цыбая из рук.

Услышав второй шум подряд, Гу Цзицин обернулся и увидел, как пальцы соседа мёртвой хваткой впились в картон. На тыльной стороне ладони проступили венки, а кончики ушей предательски вспыхнули алым.

Он выглядел так, словно хотел бросить всё и сбежать, но из последних сил сдерживался ради сохранения лица.

Чистой воды добропорядочная девица, которую бесстыдно дразнят, а той приходится терпеть во имя приличий.

Эта нелепая аналогия заставила Гу Цзицина тихо прыснуть.

Смешок прозвучал совсем тихо, но Чжоу Цыбай всё равно его уловил.

Краснота на ушах вспыхнула с новой силой. Он с грохотом опустил последнюю коробку, повернулся к Гу Цзицину и уже собрался выдать всё, что думает...

Но Гу Цзицин поднял взгляд и спокойно спросил:

— Я тут в душе сообразил, что забыл захватить гели и шампунь. Одолжишь свои на раз?

У него были глаза формы миндаля, слегка приподнятые у внешних уголков. Обычно полуприкрытые веки придавали взгляду томную леность, но сейчас, раскрытые широко и чисто, они сияли влажным блеском, излучая искреннее неведение. В них казалось столько доверия, что отказать не поднималась рука.

Заготовленная отповедь застряла у Чжоу Цыбая в горле.

—...Бери.

— Спасибо.

Гу Цзицин развернулся и скрылся в душевой.

Чжоу Цыбай остался один. Лишь когда за дверью зашумела вода, до него дошло, что он так и не произнёс заготовленное:

«А нельзя ли вести себя поскромнее?»

От осознания собственная беспомощность отзывалась глухим раздражением.

Телефон продолжал разрываться от уведомлений.

Мрачно выдвинув стул, он уселся и заглянул в Вэйсинь. В их общем чате вовсю резвились два виновника этого хаоса.

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**:** Братан! Брат Чжоу! Брат Бай! Брат Цы! Я виноват, реально виноват! Заигрался в катку, забыл сказать, а главное — бросил тебя наедине с Гу Цзицином!

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**:** Можешь на меня забить, но главное — береги честность! Не дай бог мы вернёмся, а тебя уже осквернили!

****[Цзи Чэнь]**:** Да ну, глупости. Забыл, что ли, как на военке симпатичный паренёк из соседней роты принёс Четвёртому водички, а тот на следующий день сбежал в спецназ мешки с песком таскать?

****[Цзи Чэнь]**:** А тот ухажёр, что дерзнул цапнуть его за руку? Четвёртый потом чуть кожу с себя не содрал в душе и месяц из комнаты не вылезал!

****[Цзи Чэнь]**:** Если уж этого эталонного целомудренника, поклявшегося хранить верность своей идеальной деве, кто-то сумеет «согнуть», я лично отрежу себе голову и дам Гу Цзицину вместо футбольного мяча.

«Кто тут целомудренник?!» — раздражённо подумал Чжоу Цыбай и отстучал на экране:

****[Бай Чжоу]**:** Вам делать больше нечего?

Стоило ему подать голос, как чат взорвался с новой силой.

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**:** Четвёртый! Живой! Ты так долго молчал, я уж грешным делом решил, что Гу Цзицин тебя сожрал!

Да как можно «сожрать» мужика ростом под метр девяносто?!

Еле подавив желание высказать всё, что он думает об их умственных способностях, Чжоу Цыбай набрал:

****[Бай Чжоу]**:** Хватит херню нести. Гу Цзицин объяснил, что на остановке произошло недоразумение. Завязывайте уже.

Но дружки и не думали униматься.

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**:** Братан, он сказал «недоразумение» — и ты сразу уши развесил? Ты же у нас упакованный богатеи со всеми задатками мажора, откуда столько наивности?!

****[Цзи Чэнь]**:** Вообще логично: если б он всерьёз метил тебя «согнуть», не стал бы открыто признаваться, зная о твоих бзиках.

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**:** Да с такими хищниками надо держать ухо востро! Лучше перестраховаться, чем потом локти кусать!

****[Цзи Чэнь]**:** На самом деле понять, целит он на тебя или нет, проще простого.

Проще простого?

Чжоу Цыбай сдвинул брови.

****[Цзи Чэнь]**:** Смотри: обычные знакомые соблюдают границы. А вот те, кто имеет на тебя виды, всегда будут ненавязчиво подбрасывать поводы для флирта.

****[Цзи Чэнь]**:** Знаешь, как я понял, что моя девушка для меня не просто подруга?

Кроме детской влюблённости в девятом классе, так ничем и не закончившейся, у Чжоу Цыбая вообще не было опыта. Откуда ему знать такие тонкости?

К счастью, Чэнь Цзи не стал тянуть резину.

****[Цзи Чэнь]**:** Короче, в выпускной поездке она забыла шампунь и попросила мой. Помыла голову, а потом мы уселись в гостиной смотреть кино. Она села рядом, волосы влажные, не просушенные...

****[Цзи Чэнь]**:** И тут меня как прошибёт: шампунь-то один и тот же, а пахнет от неё куда

вкуснее! А воротник мокрый, и шея такая белая, точёная, гладкая... Сердце заколотилось как сумасшедшее! Вот тут я и понял: всё, пропал, влюбился по уши.

****[Цзи Чэнь]**:** И угадай, что потом выяснилось?

****[Бай Чжоу]**:?**

****[Цзи Чэнь]**:** А потом, когда мы уже начали встречаться, она призналась, что западала на меня давно, просто стеснялась. Вот и устроила эту затею с шампунем для проверки. Видишь, как сработало?

****[Цзи Чэнь]**:** Так что намерения всегда видны сразу.

Шампунь... мокрый воротник... точёная шея?..

В голове Чжоу Цыбая мелькнула смутная догадка, но додумать её он не успел: дверь ванной распахнулась.

Вышел Гу Цзицин — в просторной белой рубашке и льняных домашних брюках. Вытирая полотенцем волосы, он подошёл ближе и как бы между прочим спросил:

— Там на полу в душевой валялись чёрные трусы. Твои? Перестирать надо?

Обычно едва уловимый аромат флёрдоранжа сейчас разлился по комнате, окутав Чжоу Цыбая нежным, густым облаком.

Влажные пряди липли к изящной шее, промолив ворот. У ключицы белела почти прозрачная кожа, под которой отчётливо просвечивали тонкие голубоватые жилки. Поглядев туда, Чжоу Цыбай ощутил непреодолимый укол желания вонзить зубы в эту белизну — и сердце отчаянно заколотилось в груди.

Шампунь... воротник... шея... бешеный пульс.

«...»

Твою мать!

Чжоу Цыбай подскочил как ужаленный. Выпав на ходу короткое: «Я в магазин!», он с пылающими ушами, не разбирая дороги, выскочил за дверь.

Будто задержись он хоть на секунду — и случится нечто необратимое.

Гу Цзицин проводил взглядом оглушительно хлопнувшую дверь и недоуменно вскинул бровь. Нарочно он вроде ничего такого не говорил и не делал?

Да нет, точно ничего.

Видать, парень действительно заядлый гомофоб.

Что ж, впредь стоит вести себя осторожнее.

Вздохнув, Гу Цзицин отложил полотенце, неспешно надел перчатки и поднял с пола ванны несчастное бельё, собираясь забросить его в чистый тазик.

И ровно в этот миг дверь с тихим скрипом отворилась.

Чжоу Цыбай, вернувшийся, судя по всему, чтобы закончить разговор, застыл на пороге. Сжимая дверную ручку, он в упор уставился на собственные чёрные боксеры, зажатые в пальцах Гу Цзицина.

Три секунды мёртвой тишины.

Сжав зубы, Чжоу Цыбай густо заплыл краской до самого подбородка.

<http://bllate.org/book/20143/1992099>